

Научная статья
УДК 340.115:340.12

Логические основы аналогии права и аналогии закона в российской философии права

Виталий Витальевич Балахонский¹, доктор философских наук, профессор
Сергей Михайлович Марков², кандидат философских наук, доцент

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация

² Дальневосточный филиал Российского государственного университета
правосудия им. В. М. Лебедева

Хабаровск (680014, Восточное шоссе, д. 49), Российская Федерация

¹ Balakhonsky@mail.ru, ² Ser_Mark@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-3098-2802>, ² <https://orcid.org/0000-0002-3634-154X>

Аннотация:

Введение. Аналогия – это не только логический метод умозаключений, но методологический прием философии и теории права. К сожалению, популярная гегелевская трактовка аналогии из «Малой логики» оказала негативное влияние на дискуссию вокруг аналогии права и аналогии закона, что создает некую методологическую неопределенность и неоднозначность в научных работах, посвященных теории права.

Цель исследования: выяснение сущности и специфики метода аналогии применительно к области права, проведение формальной и содержательной дифференциации понятий «аналогия права» и «аналогия закона». В качестве источников проводимого исследования используются международное право и российское законодательство, Конституция Российской Федерации.

Методы: сравнительно-системный, процедурная теория Лона Фуллера, топика, логика и герменевтика, дедукция и индукция, силлогистика и каноны Милля, аналогия предметов и аналогия отношений, демонстративная аналогия или «строгая».

Результаты. Обосновывается тезис о том, что в правовой идеологии сегодня сложилось предвзятое отношение к аналогии как исключительно методу юридической техники, который используется прежде всего в связи с так называемой пробельностью в законодательстве или логикой поисковой работы в судебной практике либо как метафизическая установка. В работе раскрываются логические основания возможного (процедурного) применения аналогии в юридической эпистемологии и отраслях права, а также обоснован тезис о том, что метод аналогии в процессе своего применения может приводить к логическим выводам, имеющим не только демонстративный, но и эвристически и методологически значимый характер.

Ключевые слова:

философия права, логика, метод, аналогия, аналогия права, аналогия закона, демонстративная аналогия

Для цитирования:

Балахонский В. В., Марков С. М. Логические основы аналогии права и аналогии закона в российской философии права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 10–18.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025;
одобрена после рецензирования 11.08.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

Logical foundations of analogy of law and analogy of legislation in Russian legal philosophy

Vitaly V. Balakhonsky¹, Doc. Sci. (Phil.), Professor
Sergey M. Markov², Can. Sci. (Phil.), Docent

¹ Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

² Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev
49, Vostochnoye high., Khabarovsk, 680014, Russian Federation

¹ Balakhonsky@mail.ru, ² Ser_Mark@mail.ru

¹ <http://orcid.org/0000-0003-3098-2802>, ² <https://orcid.org/0000-0002-3634-154X>

Abstract:

Introduction. Analogy is not only a logical method of reasoning, but also a methodological approach of philosophy and legal theory. Unfortunately, the popular Hegelian interpretation of analogy from the "Small Logic" has had a negative impact on the discussion around the analogy of law and the analogy of the legislation, which creates a certain methodological uncertainty and ambiguity in scientific works devoted to the theory of law.

The purpose of the study: clarifying the essence and the specificity of the analogy method in the field of law, conducting a formal and meaningful differentiation of the concepts of "analogy of law" and "analogy of legislation." The sources for the study are international law and legislation of Russian, including the Constitution of the Russian Federation.

Methods: comparative-system, Lon Fuller's procedural theory, topic, logic and hermeneutics, deduction and induction, syllogistics and Mill's canons, analogy of objects and analogy of relations, demonstrative analogy or "strict."

Results. The thesis is substantiated that in legal ideology today there is a biased attitude towards analogy as an exceptional method of legal technique, which is used primarily in connection with the so-called gap in legislation or the logic of search work in forensic-investigative practice, or as a metaphysical attitude. The paper reveals the logical grounds for the possible (procedural) application of analogy in legal epistemology and branches of law, and also substantiates the thesis that the method of analogy in the process of its application can lead to logical conclusions that are not only demonstrative, but also heuristically and methodologically significant.

Keywords:

philosophy of law, logic, method, analogy, analogy of law, analogy of legislation, demonstrative analogy

For citation:

Balakhonsky V. V., Markov S. M. Logical foundations of analogy of law and analogy of legislation in Russian legal philosophy // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 3 (107). P. 10–18.

The article was submitted May 5, 2025;
approved after reviewing August 11, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Афоризм Горация «Дерзай знать» из Посланий Плиния Младшего в трактовке И. Канта и М. Фуко «Что такое Просвещение?» мы решили взять в качестве методической установки к проблеме аналогии в праве и ее критической оценке методами логики.

Аналогия, как правило, в словарях и учебниках по логике относится к классу индуктивных и недемонстративных умозаключений (А. А. Ивин, А. Л. Никифоров, Ю. В. Ивлев, А. А. Тер-Акопов, В. П. Малахов, В. А. Светлов и др.) в связи с тем, что она, как и индукция, не дает достоверного заключения. Остальные логики считают аналогию правдоподобным умозаключением, т. е. недедуктивным (В. И. Кириллов, А. А. Старченко, Е. А. Иванов, Ю. П. Попов и др.). Так, петербургский логик В. А. Светлов понимает аналогию как разновидность индукции в вероятностной интерпретации, аргументируя свою позицию тем, что аналогия работает по принципу сходства: если мысли сходны в одном отношении, они могут быть (но не обязательно) сходными в другом отношении¹.

Эти точки зрения обусловлены гегелевской традицией определения аналогии как недемонстративного вида умозаключений (немецкий классик дал характеристику аналогии в своей знаменитой «Малой логике»). Пожалуй, всех логиков, а вслед за ними юристов-теоретиков объединяет позиция отношения к аналогии как к правдоподобному умозаключению² [1, с. 14–18; 2, с. 76–84]. Мы не будем рассматривать источник происхождения столь «популярного» заблуждения о недемонстративном характере логического вывода по аналогии. Эта тема отдельного исследования. Однако ради справедливости напомним, что В. И. Ленин верно прочитал раздел «Логики» Гегеля об аналогии, законспектировав на ее полях в «Философских тетрадях» мысль о том, что аналогия как умозаключение есть совокупность всех индуктивных методов (следовательно, в т. ч. математической индукции – прим. авт.) о необходимости

¹ Светлов В. А. Логика. Современный курс : учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2024. С. 10.

² Марков С. М. Лекции по логике для юристов : учебное пособие. Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2009. С. 233–234.

отображения мира (объекта) в понятиях, категориях, законах *etc.*, а про формальную логику: «Очень глубоко и умно!» (В. И. Ленин).

Методы

Методологической основой проведенного исследования стал метод сравнительно-системного анализа, позволяющий выявить логические основы аналогии права и аналогии закона в российской философии права. Опираясь на герменевтическую методологическую парадигму авторы проводят дифференциацию феноменов аналогии предметов и аналогии отношений, а так же демонстративной и «строгой» аналогии.

Обсуждение

В самых общих чертах аналогия в математике (букв. – соответствие или сходство через различие) – изоморфность видовых, но различных родовых признаков первичного объекта и сравнения. Если есть объект S (R) и его изоморфное сравнение с S^1 , то признаки объекта S можно исследовать в $S^1(R^x)$, например, как биекция и топологические объекты. Следует отметить, что различные виды вероятностей в умозаключениях по аналогии были известны математикам с середины прошлого века (Дьердь Пойа, А. И. Уемов, П. М. Эрдниев и др.), но в советской теории права они не использовались, несмотря на всеобщее признание самого концепта в правовой системе. Например, известная среди логиков книга П. М. Эрдниева «Аналогия в математике» [3]. Кроме того, умозаключения по аналогии можно сравнить с дедуктивными и даже представить в форме аристотелевских фигур силлогизма. В этом контексте в аналогии применяется гипотетико-дедуктивный метод. В юридических же исследованиях, например, в диссертации М. В. Морозова, аналогия оценивается как правдоподобное умозаключение³ [4, с. 80–83]. Итак, сделаем предварительное обобщение: методы аналогии применяются в математическом моделировании (топологии, например), цифровизации, нейротехнологиях, нейросетях и философии права.

Вспомним историю. Демокрит использует аналогию в своей философии атома и множественности миров. Платон аналогию демонстрирует в диалоге «Горгий», в котором он выводит сходство в искусстве красноречия судьи и софиста (оратора), уточняя словами Сократа, что искусство судьи убеждает народ в делах справедливых и несправедливых, а красноречие софиста убеждает народ лишь в полезном и приятном. Красноречие, – говорит Сократ, – это как бы поварская сноровка, но не для тела, а для души: «...искусство наживы избавляет от бедности, врачебное искусство – от болезни, а правый суд (судебная риторика – *прим. авт.*) – от несправедливости» [5, с. 516].

Идея справедливости в современном уголовном праве возведена в один из главных принципов уголовного законодательства и закрепляется в ст. Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ (далее – УК РФ), которая так и называется «Принцип справедливости», а далее, опять-таки по аналогии, используется во всех его частях. Для сравнения, в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) отдельной статьи, характеризующей принцип справедливости, нет. Так, в статье 1 ГК РФ⁵, где перечисляются принципы гражданского права, он отсутствует, хотя в статьях ГК РФ иногда упоминается (ст. 308.3, п. 5 ст. 393, п. 3, ст. 451 и др.), т. е. справедливость как принцип отсутствует, но справедливость как вещь-в-себе по аналогии подразумевается. Это касается принципов гражданского права по аналогии, исходя из смысла п. 2, ст. 6 ГК РФ, в которой на доктринальном уровне определяется аналогия права и аналогия закона в цивилистике, в частности, говорится о справедливости и добросовестности в контексте их философско-аксиологического понимания.

Результаты

Как нам представляется, методологический отголосок гегелевской трактовки аналогии оказал негативное влияние на юридический дискурс, где аналогия оценивается, скорее всего, как нарратив *epistula*, а не логический канон. В правовой идеологии сегодня, например, в цивилистике, не упоминая уголовно-правовую сферу, сложилось предвзятое отношение к аналогии как к исключительному методу юридической техники в сфере так называемой пробельности права, несмотря на явное указание его использования в ст. 6 ГК РФ и других кодексах.

Метод аналогии, полагает В. А. Микрюков, юристами-теоретиками и практиками воспринимается как исключительный, применяемый лишь в редких (единичных) случаях [6, с. 61].

³ Морозов М. В. Аналогия как способ толкования и применения уголовно-правовых норм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 21 с.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Негативное отношение юристов к аналогии (О. А. Красавчиков, А. А. Милюшин, А. В. Новиков, И. В. Панова, А. Я. Рыженков, В. М. Шафиров, В. В. Момотов, Г. Д. Улетова и др.) не смог поколебать даже Пленум Верховного Суда Российской Федерации, постановление которого о применении принципов ст. 1 ГК РФ к остальным статьям гражданского законодательства непосредственно относится к вопросам методики ее правоприменения. В постановлении прямо утверждается «аналогия» в п. 1: «Положения ГК РФ <...> подлежат истолкованию в системной взаимосвязи с основными положениями гражданского законодательства в статье 1 ГК РФ»⁶ (S (R)), а далее разъясняются процедурные методы ее применения (S¹(R)). Например, что такое «недействительная сделка» конкретизируется в п. 86–102, а «мнимая сделка» характеризуется в п. 69 и т. д. Как считают праведы в сфере семейных споров В. А. Микрюков и гражданского права А. В. Новиков, сегодня настала очередь доктринального, добавим, логико-философского, переосмысления аналогии как правового института целиком в системе российского права и философии права.

Каким же образом метод аналогии применяется в правовой методологии? Отметим, что в российской философии и теории права выделяют две аналогии – аналогию права и аналогию закона (например, ст. 6 ГК РФ или ст. 3 ч. 5 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации⁷ (далее – АПК РФ)). Во-вторых, возьмем на вооружение латинскую поговорку: “*Argumenta ponderantur, non numerantur*” (сила доказательств не в количестве, а в их весомости).

Аналогия права – это применение права, исходя из общего смысла и универсальных принципов добросовестности, разумности и справедливости, взятых в конкретный исторический период, на основании соответствующей интерпретации норм конституции и общих положений естественного права (например, п. 2 ст. 6 ГК РФ или ст. 3–7 УК РФ).

Аналогия права – метод разрешения юридических коллизий на основе мировоззренческих и правовых ценностей (этико-религиозных и национальных, общепризнанных норм о правах человека и гражданина, традиционных российских ценностей, философского и правового толкования равенства, свободы, справедливости, ответственности, добра и зла и др.). В ракурсе сказанного будет уместно напомнить, что преамбула Конституции Российской Федерации выступает фундирующим принципом для конституционного права и других отраслей права. Тем не менее, и это следует особо подчеркнуть, данный вид аналогии в юридической науке недостаточно исследован, либо юристы относятся к ней с предубеждением и недоверием в плане ее процедурного применения на практике⁸. Для иллюстрации возьмем два примера.

Как считает А. Я. Курбатов, ссылаясь на концепцию философии права В. С. Нерсесянца, принцип справедливости в российском праве, понимается в двух значениях: 1) философско-религиозном и 2) формально-юридическом. Как мы ранее показали, первая трактовка уходит корнями в древнегреческую философию, т. е. аналогия понимается как *epistula*. Для А. Я. Курбатова первая справедливость – морально-этическая или просто ценностное понятие, а не методологическое. Более того, по мнению автора статьи о субъективизме в коннотации справедливости, в российской правовой науке в доктринальном плане справедливость не определяется. «...Справедливость в праве это категория, прежде всего, конституционного и законодательного процесса» [7, с. 48], а не процессуального. Морально-этическая справедливость, например, в преамбуле Конституции, и «формальная», т. е. юридическая, – считает праввед – несовместимы в материальной жизни, например, в судебном правосудии, поэтому между ними возникают коллизии и софистика в трактовке. Таким образом, автор однозначно выступает против применения аналогии справедливости в реальном законодательстве.

Наряду с другими принципами, справедливость является в аналогии права фактором («основание»), который переносит идеи гуманитарного права в позитивное [8, с. 27–38; 9, с. 5; 10, с. 76–78]. Правда, часто при этом возникают коллизии в правоприменительной практике. Как нам представляется, в этом механизме аналогии она часто меняется оценкой той или иной нормы и превращается в оценочное понятие (в аналогии это не запрещается). Или, как считает С. С. Алексеев, «справедливость приобретает роль правового принципа в той мере, в какой она воплощается в нормативно-правовом способе регулирования, в тех началах соразмерности, равенства и т. д., которые присущи самому построению правовой доктрины»⁹. С точки зрения логической техники здесь возникает проблема вынесения справедливого приговора соразмерности наказаний за разные преступные деяния, например, за мошенничество и убийство. Как заметил И. В. Чечельницкий, в рамках правоприменительной деятельности справедливость как принцип ст. 6 УК РФ¹⁰ «не сливается с законностью» [11, с. 60]. Мы считаем, что аналогия между

⁶ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

⁷ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁸ Марков С. М. Логика : учебник. 2-е изд. Москва : ИНФРА-М, 2024. С. 151–152.

⁹ Алексеев С. С. Общая теория права : учебник. 2-е изд. Москва : Проспект, 2009. С. 65.

¹⁰ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

законностью и справедливостью может проводиться лишь при условии рассмотрения справедливости в качестве основополагающего принципа законности.

Как отмечает А. Г. Иванов, «установление вины в условиях субъективной ошибки разъясняется лишь на доктринальном уровне» [12, с. 106], а в уголовном кодексе юридические нормы, регламентирующие так называемые субъективные ошибки, в определении степени виновности отсутствуют. Для обоснования своего тезиса автор использует философско-логическую аналогию: «Вина является метанаучной категорией, и неоспорим тот факт, что в ней присутствует философское начало» [12, с. 106]. В качестве метода аналогии он применяет философскую теорию сознания (отражение & информация & репрезентация) В. И. Ленина и Д. И. Дубровского, но в доказательствах своей гипотезы автор применяет, выражаясь языком логического трактата Витгенштейна, атомарный уровень отображения фактов сознания, а не ноуменальный. В итоге через описание способов ее формирования в философском аспекте он приходит к выводу, что в судебном правосудии один из принципов ст. 6 УК РФ¹¹ часто не соблюдается.

В первом варианте недооценивается (аналогия) в методологическом аспекте. Как нам представляется, примерами этого могут служить: формула права Густава Радбруха (*Unrecht* – в переводе с нем. «неправо») и процедурная теория естественного права Лона Фуллера из его монографии «Мораль права» («*The morality of law*»¹²), в которой философ-правовед разработал процедурные методы создания законов в соответствии с принципами морали и справедливости. Во втором варианте в качестве исходной посылки аналогии берется классическая теория сознания, во внешних чертах вполне верная, вместо современной философии сознания Д. Чалмерса, Д. Деннета, Р. Пенроуза, М. Каку, Т. В. Черниговской, Г. А. Иваницкого и др. В итоге умозаключение делается вероятностным, или всего лишь «детальным перечислением» (нарративным) возможных проблем.

Аналогия права применяется в юридических обобщениях в области источников происхождения и их реализации в системе права, как считают многие ведущие философы-правоведы (А. Б. Венгерова, А. Я. Курбатов, Л. В. Карнаушенко, И. Л. Честнов и др.). В этом контексте юристы-теоретики аналогию относят к области метафизических начал права и закона. Тем не менее аналогия часто исключается из очень важных областей общественной жизни, таких как правосознание и правовая культура, правотворчество, эпистемология, толкование правовых норм и др. В поле зрения юристов, да и практиков, чаще попадает популярная аналогия, действительно правдоподобная и вероятностная, относящаяся к классу ненаучной индукции (энумеративной). Тем не менее аналогия как метод сознательно либо рефлексивно по традициям формальной логики, где они сохранились, занимает достойное место в современной юридической методологии: сравнительном правоведении, социологическом, логико-математическом и других методах.

Аналогию права как нарратив часто применяют в конкретных случаях, например, в судебном разбирательстве, когда юристы (теоретики или практики) обращаются в своих действиях к определению смысла и сущности права. Так, ч. 5 ст. 3 АПК РФ¹³ рекомендует обращаться к аналогии права, исходя из принципов осуществления российского правосудия.

В уголовно-правовой сфере аналогия применяется, во-первых, в связи с пробелами в законодательстве, как считает правовед из Белоруссии Н. А. Петровский, при этом не всегда они связаны с просчетами законодателя [13, с. 90–91]. Во-вторых, аналогия права как нарратив применяется в свободе выбора оценки доказательств в процессуальном уголовном праве: через «внутреннее убеждение, основанное на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь законом и совестью» (ч. 1 ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹⁴).

Объективной основой юридической аналогии выступают противоречия и конфликты всех форм общественных отношений (экономические, политические, религиозные, национальные и т. д.), в первую очередь – рождение новых общественных отношений, требующих законодательного оформления. Или, как отмечает А. В. Дашко в статье «Единство предмета гражданского права», предмет российского гражданского права рождается из ст. 2 ГК РФ¹⁵, где перечисляются энумеративным способом правоотношения гражданского законодательства [14, с. 61–62]. Здесь вполне уместно возникает вопрос из формальной логики: что если не все имущественные и неимущественные права и свободы человека и другие нематериальные блага перечисляются в данной основополагающей статье? В таком случае применение далее по аналогии комментариев окажется всегда вероятностным (недемонстративным). Проблема в том, что мы даже не состоянием определиться с методами аналогии судебной власти в Конституции, т. е. с ее принципами.

¹¹ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

¹² Fuller L. L. *The morality of law*. New Haven : Yale University Press, 1964. 262 p.

¹³ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

¹⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

¹⁵ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Сколько их: пятнадцать или менее в ст. 118 Конституции Российской Федерации¹⁶? Как известно, в ст. 5 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ¹⁷ их всего восемь, в которых справедливость не упоминается.

В философском же смысле аналогия в уголовном и гражданском законодательстве применяется через источники формирования правовой идеологии и юридических законов, когда речь идет о влиянии естественного права и живой практики на культуру и правовое сознание, как общественное, так и профессиональное. Например, через соответствие (аналогию) законов моральным нормам Библии или Корана. Библейские заповеди выступают в роли общих мировоззренческих принципов (юридической идеологии) для любого законодательства, если оно хочет принять цивилизованные формы [15].

Так, А. И. Овчинников в статье «Теология права и современное правопонимание» приводит процедурную модель аналогии теологии и правовой идеологии, ссылаясь на новую редакцию ст. 67 Конституции Российской Федерации: «Современные правовые понятия (гуманитарного права – прим. авт.) являются <...> результатом секуляризации христианской Европы и имеют религиозные корни» [16, с. 90]. Например, понятие богоподобия личности, считает автор, стало фундаментом идеи неотчуждаемых и неотъемлемых прав человека. Овчинников справедливо умозаключает по аналогии, что аналитика гуманитарных прав человека и его правосубъектность «...невозможна вне религиозных, метафизических идей и представлений» [16, с. 127]. В итоге он делает демонстративный вывод: «Для правового мышления важно учитывать, что вера является его неотъемлемой константой» [16, с. 127]. Если говорить о логике, то здесь аналогия выступает как демонстративное умозаключение, в котором «библейские нормы» выполняют роль объекта-оригинала (исходных суждений). Разумеется, только в том случае, когда речь идет о строгой («основательной») аналогии. Как считает правовед Н. А. Петровский, «метод аналогии целесообразно использовать в процессе применения права» [13, с. 90], а также «в рамках методологии права новой концепции метода аналогии в правовой науке и правоприменительной практике» [17, с. 67] и, добавим, в процессе правотворчества.

На основании этого представляется возможным утверждать, что аналогия права широко представлена в правовой идеологии и методологии права [18]. Так, в статье о методологических принципах философии права Л. В. Карнаушенко пишет: «Метафизический аспект (права – прим. авт.) проявляется в том, что правовая реальность рассматривается в качестве одного из аспектов реальности более высокого порядка, которая выходит за пределы как физического, так и социального бытия» [19, с. 7]. В роли нарративной аналогии в его умозаключениях выступает «метафизика права» или «способ понимания и интерпретации правовой действительности» [19, с. 7].

Впрочем, хотя в юридическом словаре и кодексах различаются понятия «аналогия права» и «аналогия закона», все равно авторы их смешивают в методологическом режиме (понимают как одинаковые). Поэтому получается, что аналогия права применяется в крайне редком случае (для восполнения мировоззренческих и метафизических пробелов). Итак, аналогия права – это применение к общественным отношениям общих начал и принципов правового регулирования, например, ст. 1 ГК РФ к остальным статьям гражданского законодательства или преамбулы Конституции к конституционным нормам, ст. 118 Конституции Российской Федерации – к Федеральному конституционному закону от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ¹⁸.

Аналогия закона – это разрешение юридических конфликтов через ссылку на другие (сходные) правовые нормы. Применение закона по аналогии допускается, если: 1) отношение, по поводу которого возник спор, не урегулировано непосредственно нормами данного законодательства или договором (ч. 3 ст. 3 АПК РФ¹⁹); 2) имеется законодательный акт, который регулирует сходные отношения и потому может быть применен к спорному случаю (ч. 4 ст. 3 АПК РФ). Как считают юристы, аналогия закона «служит средством восполнения пробелов в праве» (крылатое выражение юристов) и регулирует сходные отношения в системе права (аналогия закона) или в отдельных отраслях права, в которых рассматривается соотношение (аналогия) общей части с конкретными статьями законодательства. Более того, почему-то утверждается очень узкая сфера «анalogии закона» – судебная практика (А. В. Новиков, В. И. Каминская, Т. Н. Добровольская и др.).

Методологическая основа применения аналогии закона – логика умозаключений по аналогии. Аналогия закона, как и логическая аналогия, может быть «поверхностной» (нестрогой), в т. ч. ложной, и «основательной» (строгой). Допустим, в процедурном определении «мнимой сделки» исходя из смысла п. 86 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25²⁰. Одинаков процесс аналогии закона и умозаключения по аналогии: 1) простая

¹⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

¹⁷ О судах общей юрисдикции в Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898.

¹⁸ СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898.

¹⁹ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

²⁰ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

аналогия (сходство примерное и не по существенным признакам); 2) «поверхностная» (сходство общих признаков); 3) «основательная» или строгая (определение сходных признаков в их существенном различии). Кроме того, аналогию закона можно сравнить с аналогией предметов, а аналогию права – с аналогией отношений.

Как считает математик П. М. Эрдниев, умозаключения по аналогии играют существенную роль в математике, а Г. Фреге считает, что математика есть один из методов юридической теории, выполняющая в ней одновременно две функции правдоподобного и демонстративного умозаключения (индуктивного и дедуктивного). «В умозаключениях по аналогии, прежде всего, используется индукция <...>. В то же время умозаключение по аналогии тесно связано с дедукцией, ибо истинность вывода по аналогии устанавливается дедуктивным доказательством...» [20, с. 6–7].

В российской правовой системе аналогия закона применяется в гражданском, трудовом, административном праве, но не в уголовном законодательстве. Как утверждает в своей диссертации М. В. Морозов, «аналогия закона (в уголовном праве Российской Федерации – *прим. авт.*) относится к ложной (поверхностной) аналогии...» [4, с. 9]. Впрочем, следует отметить, что в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации аналогия закона не отрицается. Аналогия закона (но не права) применяется тогда, когда в законодательстве отсутствуют соответствующие правовые нормы, ибо пробелы в праве не только объективно возможны, но и в определенной мере неизбежны. Соотношение живого права и правовой системы – противоречие, разрешение которого порождает новое знание о правовых отношениях и новые законопроекты. Частный случай аналогии закона – правовая имплементация и прецедентное право, которые можно рассматривать как особый вид аналогии предметов. Как отмечается в юридическом словаре, «применение аналогии оправдано в той мере, в какой оно способствует укреплению правопорядка»²¹, но не противоречит нравственной сущности закона.

Как известно, в настоящее время создается новая отрасль мировой правовой системы – нейроправо [21]. Но пока речь идет об этическом кодексе будущего нейроправа ЮНЕСКО 2025 года. Коротко: нейроправо, в т. ч. право различных нейросетей, обусловлено новейшими открытиями «чтения мозга». Но как регулировать нейротехнологии никто не знает.

Допустим, если несанкционированное “*Brain reading*” («чтение мозга») повлекло за собой причинение вреда здоровью человека или иные тяжкие последствия, виновные лица могут быть привлечены к уголовной ответственности на основании ст. 137 УК РФ²², которая предусматривает уголовную ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни. Правда, для подобных исков понадобится добавить целый новый блок статей, связанных с нейротехнологиями, не только в уголовный, но и в гражданский кодексы. Однако есть общие положения о компенсации морального вреда (ст. 151 ГК РФ²³), которые могут быть применены к подобным случаям по аналогии. Следует отметить, что на данный момент в законодательстве Российской Федерации нет специальных норм, регулирующих правила использования нейротехнологий, в т. ч. «чтения мозга». Поэтому вопрос о юридической ответственности за неудачное использование нейротехнологий остается открытым и требует дальнейшего изучения и обсуждения

На сессии ЮНЕСКО 26–30 августа 2025 г. был принят рамочный проект “*First draft of the Recommendation on the Ethics of Neurotechnology*” («Первый проект Рекомендаций по этике нейротехнологий»), в котором, в частности, в п. 8 записано: «Настоящие рекомендации были разработаны с целью направить развитие и использование нейротехнологий по этическому, безопасному и эффективному пути на благо человечества <...>, а также предотвратить их использование во вред в настоящем и будущем на основе международного права, в частности, Устава ООН и международного права в области прав человека»²⁴. Если кратко, то предлагается до принятия кодекса по нейроправу использовать по аналогии уже созданные международные и национальные законы в области искусственного интеллекта (далее – ИИ) и биоэтике. Например, Рекомендации ЮНЕСКО по Этике ИИ 2021 года (Париж; 9–24 ноября 2021 г.) или кодекс по биоэтике и правам человека (2005) и др. Их суть – уважение, защита и поощрение прав человека и основных свобод, а также человеческого достоинства.

В более яркой форме аналогия демонстрирует свои возможности в толковании правовых норм в судопроизводстве, где она применяется на всех этапах толкования, а также во всех формах воспроизведения ее в мышлении субъекта и адресата. Если кратко, то суть логического способа толкования и герменевтики заключается в использовании законов логики для уяснения смысла, содержания нормы закона (права), сравнения с другими законами (канонами) и методологическими приемами. В этом виде аналогии логико-философские правила, а также мировоззренческие (нравственные) взгляды, например, профессиональная этика юриста, рассматриваются в роли общего методологического

²¹ Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. О. Е. Кутафин. Москва : Большая российская энциклопедия, 2002. С. 29.

²² СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

²³ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

²⁴ First draft of the Recommendation on the Ethics of Neurotechnology // UNESCO : [website]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000391444> (дата обращения: 20.01.2025).

нарратива. Логические правила и методы, философские теории, юридическая эпистемология – необходимое основание (методология) для толкования правовой нормы.

В толковании правовых норм действуют одновременно два вида аналогии: а) аналогия отношений (нарратив) – соответствие правовых норм мировоззренческим (например, религиозно-этическим), философским установкам (например, сравнительной методологии), а также гуманитарным международным конвенциям или фундаментальным принципам национального права; б) аналогия предметов (канон) – логический, герменевтический, лингвистический анализ правовой нормы. Еще один прием аналогии встречается в юридической технике по правилу – одна дефиниция для всех законов [22].

Итак, все виды аналогии действуют в правовом мышлении в качестве методологического ориентира. Аналогия как логический прием широко применяется не только в обыденной жизни, но и в теоретической сфере, в т. ч. в юридической теории и философии права. Наиболее часто она используется в философии и теории права, гражданском праве, судебном правосудии. Мы полагаем, что границы применения правовой аналогии много шире. Значение ее актуализации для теории и практики познания права, правового творчества и области применения права значимо для современной российской правовой системы. Следует согласиться с мнением В. А. Микрюкова, о том, что «...назрела насущная необходимость интенсификации комплексного, всестороннего научного изучения аналогии <...>. Цивилисты должны сформировать целостное представление об аналогии как об элементе современной юридической техники...» [6, с. 64–65].

3 заключение

В заключительной части отметим наиболее важные тезисы. Аналогия как логический метод – это умозаключение, в котором сочетаются как вероятностные, так и демонстративные элементы. Степень вероятности определяется: а) исходными посылками, б) процедурой логического вывода, в) основанием аналогии, в котором находится так называемый «сходный» признак. Сходство определяется, например, в моделировании нейросетей, через количество и качество признаков, используемых в аналогии (в частности, права и закона), что ярко демонстрирует в настоящее время создание этического кодекса в области нейротехнологий по аналогии с кодексом искусственного интеллекта. Например, в аналогии права – это мировоззренческие и правовые ценности гуманитарного права и общих положений национального права, используемых в правоприменительной практике по отношению, скажем, к виновности и степени наказания за совершенное преступное деяние.

Аналогия закона – разрешение юридических споров уже с конкретным применением техники логической аналогии, в которой используются все логико-математические приемы, включая силлогистику. Методология аналогии закона – логика умозаключений по аналогии как «поверхностной», даже ложной аналогии, так и демонстративной. В наиболее яркой форме она показывает свои возможности в толковании и комментариях правовых норм.

Достоверность правового умозаключения по аналогии требует соблюдения следующих необходимых условий: 1) аналогия должна проводиться между объектами, обладающими существенным сходством между собой; 2) аналогия должна осуществляться по наиболее важным, в рамках конкретной познавательной задачи, признакам. Примером подобного могут служить решения Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении принципов ст. 6 ГК РФ к российскому гражданскому законодательству²⁵.

Аналогия права (закона) также используется для обеспечения принципа справедливости, но за исключением тех случаев, когда закон прямо указывает на запрет аналогии. Так, не все нормы вещного права автоматически переносятся по аналогии на авторские права (п. 3 ст. 1227 ГК РФ²⁶).

В современной российской философии права аналогия, скорее всего, – нарратив, но не метод анализа и интерпретации права и закона. Образно выражаясь, аналогия применяется в юриспруденции как *epistulae* («послание»), в т. ч. ложное или правдоподобное, а демонстративные и вероятностные ее методы остаются за пределами правового дискурса.

Процедурные, в т. ч. герменевтические приемы аналогии права и аналогии закона вполне могут послужить отдельной темой научной работы. Мы же ограничились лишь логико-философским анализом наиболее распространенных и общих методологических приемов применения аналогии в юридической теории и технике.

²⁵ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

²⁶ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Список источников

1. Марков С. М. Нравственно-юридические правила Устава третейского суда Г. Р. Державина: источники и комментарий // *Мировой судья*. 2024. № 2. С. 14–18. <https://doi.org/10.18572/2072-4152-2024-2-14-18>
2. Марков С. М., Балахонский В. В. Методологические и мировоззренческие аспекты социального фэнтези Лю Цысиня «Задача трех тел» // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2023. Т. 20, № 3. С. 76–84. <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2023-20-3-76-84>
3. Эрдниева П. М. Аналогия в математике. Москва : Знание, 1970. 27 с.
4. Морозов М. В. Аналогия при применении правил квалификации преступлений // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2025. № 1 (44). С. 80–83. <https://doi.org/10.47475/2311-696X-2025-44-1-80-83>
5. Платон. Горгий // *Собрание сочинений* : в 4 т. / [общ. ред. А. Ф. Лосева [и др.] ; примеч. А. А. Тахо-Годи ; пер. с древнегр. В. С. Соловьева [и др.]]. Москва : Мысль, 1990. Т. 1. 860 с.
6. Микрюков В. А. О состоянии научных исследований по проблемам института аналогии в гражданском праве // *Актуальные проблемы российского права*. 2018. № 1 (86). С. 60–68. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.86.1.060-068>
7. Курбатов А. Я. Справедливость в российском праве: подмена понятий, субъективизм и неопределенность // *Вопросы правоведения*. 2012. № 3 (15). С. 44–64.
8. Балахонский В. В., Балахонская Л. В. Девиантное поведение: проблема методологического понимания нормы и ее социально-образовательных репрезентаций // *Российский девиантологический журнал*. 2022. Т. 2, № 1. С. 27–38. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-27-38>
9. Балахонский В. В. Философские проблемы методологии права // *Философия права*. 2011. № 5 (48). С. 5.
10. Балахонский В. В. Правосознание и его роль в жизни общества : монография / Балахонский В. В., Кудин В. А., Олейников В. С., Джегутанов Б. К. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2018. 173 с.
11. Чечельницкий И. В. Принцип справедливости в праве // *История государства и права*. 2014. № 6. С. 57–63.
12. Иванов А. Г. Сущность субъективной ошибки в уголовном праве: философский аспект // *Философия права*. 2023. № 3 (106). С. 105–111.
13. Петровский Н. А. Метод аналогии в теории уголовно-процессуального права / Уголовная юстиция: законодательство, теория и практика : сборник научных статей XIII Республиканской научно-практической конференции, г. Брест, 16 ноября 2022 г. / ред. Г. И. Займист, И. А. Заранка. Брест : Брестский государственный университет, 2023. С. 89–94.
14. Дашко А. В. Единство предмета гражданского права // *Философия права*. 2023. № 3 (106). С. 61–66.
15. Иванников И. А. Истина и справедливость // *Вопросы философии*. 2017. № 3. С. 5–15.
16. Овчинников А. И. Теология права и современное правопонимание // *Философия права*. 2023. № 2 (105). С. 125–131.
17. Петровский Н. А. Метод аналогии в современной методологии права // *Философия права*. 2007. № 2 (21). С. 62–69.
18. Марков С. М. Идеология в современном российском обществе и её философско-правовой статус / *Актуальные проблемы социальной философии* : материалы всероссийской научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 21 июня 2024 г. / под ред. В. В. Балахонского, П. Г. Мартысюка. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2024. С. 30–33.
19. Карнаушенко Л. В. Методологические принципы метафизики права // *Философия права*. 2022. № 3 (102). С. 7–12.
20. Эрдниева П. М. Аналогия в математике. Москва : Знание, 1970. 30 с.
21. Марков С. М. Философско-правовая оценка проекта этического кодекса нейротехнологий ЮНЕСКО (22–26 апреля 2024 г.) // *Медицинское право*. 2024. № 2 (110). С. 36–39.
22. Марков С. М. Статус «должностного лица» в постсоветской бюрократической реальности: логический и юридический анализ концепта / XI Южно-российский политологический конвент ЮФУ «Современная парадигма государственных интересов: концепт и постсоветская реальность» / отв. ред. Р.А. Пупыкин, К.П. Пилюгина. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2021. С. 38–46.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.